

Когда позвонил Линь Ци, он кричал так, что казалось, телефонная трубка вот-вот разлетится. Цюй Хайяо слушал его молча, пока тот обзывал его безмозглым младенцем, примитивным существом и ещё кучей других слов, которые, хоть и не были матерными, звучали не менее оскорбительно. У него даже не было сил злиться. Он знал, что Линь Ци был в ярости. После того как Ма Цзыфань наказал Цюй Хайяо, следующим, к кому он обратился, был Линь Ци. Можно сказать, что Линь Ци снова пострадал из-за Цюй Хайяо.

Но только когда Линь Ци, получив нагоняй от Ма Цзыфаня, пришёл в квартиру Цюй Хайяо с намерением устроить разборки и увидел его состояние, он понял, что все его крики были напрасны. Он никогда не видел Цюй Хайяо таким.

Цюй Хайяо всегда был человеком с врождённой беззаботностью и наивностью. Линь Ци видел его подавленным только однажды, когда они узнали истинные намерения Лю Цзяжэня в отношении Цюй Хайяо. Тогда он казался немного угнетённым, но после возвращения из зарубежной поездки это состояние сменилось боевым настроем. А сейчас Цюй Хайяо выглядел так, что даже идиот мог бы понять — он всё ещё не остыл после драки.

Линь Ци был поражён:

— Что этот парень вообще тебе сделал? Я знаю, что он всегда был занозой, но это уже давно не новость. Почему ты не смог сдержаться на этот раз?

— Он оскорбил моего старшего брата! — резко поднял голову Цюй Хайяо, его глаза тут же покраснели от гнева.

Линь Ци не сразу понял, о ком идёт речь, но через мгновение осознал, что Цюй Хайяо имел в виду Жун И. Он нахмурился, собираясь спросить, что именно Инь Нань сказал о Жун И, но, заметив, как Цюй Хайяо с трудом подбирает слова, Линь Ци уже догадался.

— Чёрт, — выругался он, и его презрение к Инь Наню достигло нового уровня.

Но в следующее мгновение Линь Ци нахмурился ещё сильнее. Он скрестил руки на груди, подперев одну руку подбородком, словно размышляя вслух:

— Старик Ма был в офисе, и Инь Нань осмелился так нагло говорить о четырёхкратном киноимператоре? Кто он вообще такой?

— Вот именно! Кто он такой, чтобы клеветать на моего брата! — снова взорвался Цюй Хайяо.

Линь Ци нетерпеливо одёрнул его:

— Ладно, ладно, я знаю, что ты готов пойти на что угодно ради киноимператора, но вопрос в том, как Инь Нань это узнал?

— Что? — всё ещё злящийся Цюй Хайяо явно не успевал за ходом мыслей Линь Ци.

Тот с раздражением посмотрел на него и, сделав глубокий вдох, попытался объяснить.

— Старик Ма, в целом, осторожный человек. Если его артисты в его же офисе начинают распускать слухи о киноимператоре, а звукоизоляция в его кабинете не самая лучшая, он вряд ли позволит Инь Наню так разойтись. Даже если Инь Нань недавно получил несколько хороших проектов и зазнался, старик Ма должен был бы сохранить бдительность.

Цюй Хайяо вспомнил:

— Старик Ма окликнул его, чтобы он замолчал, но Инь Нань не остановился и только продолжил дальше. Если бы он замолчал, я бы не полез в драку.

Линь Ци прищурился.

— Тебе не кажется, что Инь Нань специально пытался тебя спровоцировать?

Цюй Хайяо замер. Перед его глазами снова всплыло злобное лицо Инь Наня, и он смущённо произнёс:

— Но это не имеет смысла... Как Инь Нань мог знать, что оскорбления в адрес Жун И выведут меня из себя?

Линь Ци вспомнил помощника режиссёра из съёмочной группы «Без сердца и без меча», которого уволили, и раздражённо цокнул языком:

— Кто знает, откуда этот урод получил информацию. У этой съёмочной группы вообще есть профессиональная этика, или они всё выносят на публику?

Только сейчас Цюй Хайяо осознал, что поведение Жун И, который всегда держался на расстоянии от него на публике, не было паранойей или выдумкой. Но, как оказалось, они всё равно допустили ошибку. Он рассказал об этом Линь Ци, и тот с удивлением и восхищением заметил:

— Жун И действительно мастер своего дела, в отличие от тебя. Чёрт, даже такой человек попал в ловушку мелкого мерзавца. Что вы с Жун И делали на съёмочной площадке, что привлекло такое внимание?

Едва он закончил, как Цюй Хайяо широко раскрыл глаза, явно недовольный:

— Не говори ерунды! Между мной и моим братом всё чисто и прозрачно!

Линь Ци чуть не закатил глаза.

— Да-да, ваша дружба чиста, как «Африканское сердце», которое даже Зевс не посмел бы осквернить. Через сто лет все будут воспевать вашу великую дружбу, как Маркса и Энгельса.

Цюй Хайяо был поражён внезапным красноречием Линь Ци, но, по крайней мере, его лицо потеряло выражение готовности сражаться до последнего. Линь Ци тоже был в тупике. Он только что вернулся от Ма Цзыфаня, и Инь Нань использовал эту ситуацию, чтобы требовать публичных извинений от Цюй Хайяо. Ма Цзыфань долго уговаривал его, и Инь Нань «смилоствовался», согласившись на строгое наказание Цюй Хайяо. Теперь позиция Ма Цзыфаня была ясна: он прямо сказал Линь Ци забыть о Цюй Хайяо как о своём артисте и заниматься своими делами.

— Полежи пока спокойно, — с глубоким вздохом сказал Линь Ци, устало потирая виски. — Эта ситуация не так просто разрешится. Инь Нань в последнее время так зазнался, что, возможно, нашёл себе покровителя.

— Нашёл... покровителя? — Цюй Хайяо не сразу понял, но, увидев многозначительный взгляд Линь Ци, осознал.

— Он... его тоже купили? — с недоверием спросил Цюй Хайяо.

Инь Нань всегда был высокомерным, но он добился успеха в юном возрасте, ещё не достигнув совершеннолетия. Его высокомерие долгое время основывалось на его таланте, и Цюй Хайяо с трудом мог представить, что Инь Нань согласится на «скрытые правила».

— Ничего точно не известно, — махнул рукой Линь Ци. — И ты ведь знаешь, что, несмотря на его ранний успех, последние годы он только катился вниз. Такие люди, когда решают, что им нечего терять, могут пойти на всё.

Цюй Хайяо замолчал. Линь Ци перевёл разговор на другую тему и начал обсуждать планы на будущее.

— Сначала вернись к занятиям по сценическому движению, нельзя терять форму.

Он задумался на мгновение, затем добавил:

— Ты хорошо поёшь, и как раз Лысый Цян работает над мюзиклом. Я свяжусь с ним и, если...

— Линь Ци запнулся и пропустил «если», — устрою тебя в мюзикл.

Цюй Хайяо поднял взгляд, в его глазах читалась растерянность. Он понимал, что это был «запасной план» Линь Ци, но, так как с самого детства он мечтал стать актёром, он не был уверен, стоит ли принимать это предложение. Линь Ци видел, что ему нужно время, чтобы осмыслить, и это было хорошо. Он дал ещё несколько наставлений, строго запретив Цюй Хайяо снова лезть в драки, и только после этого ушёл, всё ещё беспокоясь.

После ухода Линь Ци Цюй Хайяо почувствовал, что ему действительно не везёт. Он устало растянулся на диване, чувствуя себя совершенно опустошённым. Рабочий телефон у него уже отобрали, и Линь Ци с трудом уговорил Ма Цзыфаня не забирать и аккаунт в микроблоге.

Весь оставшийся день и вечер Цюй Хайяо провёл, отвечая на звонки и сообщения от друзей и родственников. Только сейчас он понял, что быть популярным — это тоже утомительно. В такой момент он хотел просто разбить свой единственный личный телефон. Его мать, находившаяся за границей, позвонила ему среди ночи и устроила разнос, крича, что он никак не может повзрослеть, что только усилило его раздражение.

Нет примечаний.

<http://bllate.org/book/16304/1470890>